

«Адское место»

Один день из жизни точки по продаже спайса.

– Это, скорее всего, пушер, так и будет на нас смотреть, пока мы не уйдем, – Денис кивает на круглолицего мужчину, который ест бургер за столиком напротив. Продолжает прерванную тему:

– Хаффман, когда синтезировал дживиаш, не предполагал, как тот будет использоваться. Предполагалось использование его в качестве анальгетика, но дальше выяснилось, что, при малейшем изменении синтеза реакции, будут появляться вещества, большая часть которых токсична... супертотоксична. Если совсем просто, то спайсы приводят к смерти.

– Денис – химик по первому образованию, – поясняет Мария, придавая словам мужа больший вес.

– Но, кажется, спайсы везде рекламируются как безопасные курительные смеси... – говорю я.

– Ложь! Страшная ложь! – возражает Мария.

– И за эту ложь гореть им в аду, – добавляет Денис. – Все малотоксичные спайсы у нас почему-то попали под запрет сразу, а супертотоксичные – только начинают запрещаться, хотя синтезированы уже давно. Белгородский стрелок, убийца священника... – приглушенно перечисляет он.

– Когда человек не имеет психиатрического диагноза, и вдруг внезапно сходит с ума, и совершает агрессивные действия, – начинает Мария.

– И вдруг внезапно у него повсюду: «Сотона! Сотона!», – усмехается Денис, – и он начинает стрелять в ад, а мать выбрасывает из окна своих детей... Ни на какие мысли не наводит?

У Марии кожа на пальцах уплотнена. Под буграми – вещество, которое организм не сумел вывести до конца. Они – муж и жена, сами бывшие курители смесей. Обещают мне путешествие в ад. Обещают стать моими проводниками туда. И я соглашаюсь, хотя моя первая мысль – у них паранойя.

Мифы

– Раньше такое было возможно только при наличии шизофрении или маниакально депрессивного психоза, – продолжает Денис. – Но у матери, убившей детей, нет ни того, ни другого. Хотя ее признали невменяемой на момент совершения преступления. Как так? Невменяемость есть, а причины нет?

– Это – оно, – тихо подтверждает Мария. – Когда мы зайдем в адское место, ты сама увидишь, как меняются лица и походка людей.

– Вокруг этого вещества ходит много неправды, – говорит Денис, – и такое ощущение, что она вбрасывается в общество специально. Пункт первый: это легалайз. Пункт второй: производится в лабораториях Китая. Все – неправда. Иллюзия, что спайсы безопасны. В них находится одно из самых опасных веществ. А варятся они кустарно в России.

– ФСКН активно поддерживает эти мифы, говоря: «Они все время меняют формулу. Мы запрещаем одно, но тут же появляется другое. Мы ничего не можем сделать». Кто эти таинственные «они»? Кто?

Мы встаем. Темный взгляд провожает нас. Денис говорит, что у «них» таджики, продающие спайс, – расходный материал. Чаще таджики погибают, но некоторым в своем «служении Сотоне» все же удается перейти на новый, более высокий уровень.

Ты смотришь на все это и понимаешь, что все – ад.

Пластмассовые манекены в париках выстроены шеренгой у одноэтажного пассажа. Дует ветер, шевеля дешевые ткани их юбок и синтетические волокна волос. У них под ногами надписи на асфальте:

Созданный только для того, чтобы ты в нем горел. У матери, по себе знаю, появляется чувство безнадежности перед этим миром, и выкристаллизовывается четкое понимание, что единственный способ – это убить своих детей, чтобы избавить их от страданий, а потом убить себя

«Спайс форум», адрес сайта и трафарет из нескольких ромбов, похожих на пчелиные соты. Такие же надписи разбросаны по всей площадке, примыкающей к метро. Кое-где они закрашены полосками синей краски.

– Сейчас снова будем красить, – говорит Денис, глядя под ноги манекенов. – Надо сходить к машине. У нас там обмундирование – рюкзачок с масляной краской. Плюс бейсбольная бита, потому что замазывать – очень небезопасно. Гораздо больше шансов, что распространитель, увидев, как я уничтожаю его надписи, нападет на меня, чем обычный прохожий нападет на распространителя, увидев, как тот уничтожает его детей. Пока перевес сил в их сторону.

– В сторону Сотоны? – уточняю я.

– Со-то-ны, – вздыхает Денис. – Мы долго пытались подобрать слово, подходящее для того состояния, которое переживаешь, когда действие вещества заканчивается. Мы обозначили его, как ужас с демонической окраской.

– Ты смотришь на все это и понимаешь, что все – ад, – говорит Мария, оглядываясь вокруг. – Созданный только для того, чтобы ты в нем горел. У матери, по себе знаю, появляется чувство безнадежности перед этим миром, и выкристаллизовывается четкое понимание, что единственный способ – это убить своих детей, чтобы избавить их от страданий, а потом убить себя... Когда я закрашиваю рекламу спайсов, прохожие иногда шушукаются: «Зачем это ей?» А недавно ребята молодые подошли: «Можно вопрос? Вы – конкуренты или борцы?» Отвечаю: «Борцы». Спрашивают: «А что вами движет?» Отвечаю: «У меня есть дети». Просто у меня есть дети, – повторяет Мария.

Желтый человек

– Боже, дай мне разум и душевный покой принять то, что я не в силах изменить. Мужество – изменить то, что могу. И мудрость – отличить одно от другого, – обнявшись, шепотом произносят Мария и Денис.

На подступах к адскому месту муж с женой расстаются. Ленин на Площади Ильича встречает нас надменно – с заложенными за спину руками и задранной вверх подбородком. Рядом на невысоком постаменте сидят трое в спортивных штанах. Идем по дорожке мимо газона, где растут оранжевые бархотки и рассредоточены группки мужчин. В центре газона торчит крест. Под ним лежит по пояс голый, желтый человек.

– Через день-два на перевозке уедет, – выдавливает Денис через нос. – Он уже почти труп. Посмотри на его кожу – слишком желтая. И это не загар, это мочевины. У него уже не работают почки...

Я окидываю взглядом всю территорию сквера, примыкающего к Ленину. Сегодня воскресенье. Собравшиеся тут молодые мужчины и подростки похожи на людей, извлеченных из постели по срочной нужде, но еще не до конца проснувшихся. За невысокую металлическую ограду, отделяющую дорожку от газона, заткнуты пустые пачки сигарет, банки из-под пива, на рейку аккуратно поставлен пластиковый стакан с мутным томатным соком. За газоном – темная площадка, скрытая кронами деревьев, а за ней – железный забор, перегораживающий выход на железнодорожную платформу. Под деревьями – скопление небольших группок. Земля под их ногами вытоптана. За ограждением виднеются голубые рубашки двух полицейских. Под деревом на боку, выкинув перед собой желтую руку, лежит еще один человек. Острые носки невымытых туфель втыкаются в твердую землю.

– Н-не н-надо к н-нему подходить... – шепотом высвистывает Денис.

Человек приподнимает голову, открывает глаза, осматривает пространство с таким омерзением в глазах, словно пространство для него – только муть, боль и рвота. Снова падает головой в землю.

– У него абстиненция, – одними губами произносит Денис. – Ему сейчас плохо... А че, барыги-то были? – обращаясь к одному из собравшихся, он раскачивается, словно стоит на палубе корабля.

Обернувшись, мужчины отрицательно качают головой.

– А че, когда будут?

– Через час приходи.

– М-м-м, – мычит и одновременно стонет Денис, закинув голову. – М-м-м...

**Видишь, он высыпает
смесь на банку...
поджигает... сейчас
сделает глубокий вдох...
Если мы здесь останемся,
ты весь день сможешь
наблюдать этот процесс**

Медленно передвигаемся к забору, ведущему на платформу. Под кустом, уткнув красное лицо в жестяную банку, сидит подросток с редкими рыжими волосами. Ветер шевелит их. Рядом в траве прыгают, настороженно переключаясь, молодые дрозды. Денис встает к подростку спиной, разворачивая меня лицом к нему.

– Делай вид, что смотришь на меня, – цедит он. – А я буду делать вид, что втыкаюсь в пространство. Видишь, он высыпает смесь на банку... поджигает... сейчас сделает глубокий вдох... Если мы здесь останемся, ты весь день сможешь наблюдать этот процесс.

– А они здесь проводят весь день?

– По сути, да... Поводок-то – короткий. Какой смысл уходить, если через час снова надо?

– А зимой?

– А зимой они холода не чувствуют... Скоро к забору подойдет таджик, отдаст с той стороны пакеты, чтоб с этой не сцапали, и убежит.

– Так ведь полицейские с той стороны стоят.

– С той стороны они стоят, чтоб безбилетников, а не барыг ловить.

У самого забора – сырей и темней, но земля и тут обильней усыпана пакетиками ядовито-фиолетового цвета.

– Простите, – тихо зову я.

Полицейские приближаются к решетчатому забору. Из-под глухо надвинутого капюшона мне хорошо видны только их ноги. На одном – старые туфли с вытянутыми носами и поперечными трещинами, в трещинах собралась пыль.

– Простите... Вы же знаете, что те люди – наркоманы? – спрашиваю я.

– Знаем, – отвечает тот, который в старых туфлях. – И что?

– А почему вы с этим ничего не делаете?

– Об этом в территориальном отделе спрашивайте...

Я поднимаю голову. Это сказал молодой полицейский с рыжим лицом.

– Нам тоже неприятно на это смотреть, – шепелявит другой, ему лет пятьдесят. – Кому ж приятно смотреть на людей, которые себя уничтожают. Они – молодые, они не понимают, они бестолковые, хоть и совершеннолетние. Но и то правда, что в восемнадцать лет все равно бестолковые они. Все равно что зацепщики, которые у нас тут катаются на поездах. И погибают.

– Отойди от них, – цедит со стороны Денис, – запалимся...

«Они едут за нами»

За спинами полицейских – коробка неработающего завода «Серп и молот», облицованная бледно-розовыми квадратами. За нашими спинами – проезжая часть, где под мостом проносятся машины. Не спеша возвращаемся той же дорожкой. Нам на встречу выходит немолодой человек. На нем джинсы, широкие раструбы которых стали колом, и свитер в катышках.

– О, Рустам! – радуется Денис, засовывает руку в карман, вынимает деньги и отсчитывает бумажки, еще сильнее раскачиваясь взад-вперед перед смуглым лицом Рустама, сломанном морщинами. Протягивает ему несколько сотенных бумажек.

– Короче, там выход на платформу «Красногвардейской», – Рустам наклоняется к уху Дениса. Тот делает тупо-настороженное лицо и приседает, внимательно слушая. – Короче, за «Спецодеждой», – договаривает

Рустам и, сунув деньги в карман, быстро уходит.

– Он работает охранником, – говорит Денис. – У него семья – старая мать, жена и больной ребенок. Тратить зарплату на наркотики принципиально не может. Поэтому зарабатывает их как доставала – тому сходит принесет, другому новую точку сдаст.

– И он здесь каждый день? – спрашиваю я.

– Ну да... Поводок-то крепко держит. Это – болезнь. Давай представим, что у него диабет и что он ходит сюда за инсулином, только добыча инсулина еще и преследуется по закону.

Справа машину поджигает зеленая девятка. Из окна высовывается круглое азиатское лицо, смеется. За ним сидит еще кто-то. Наша машина уходит вперед и под мост.

– Кажется, они едут за нами, – оборачивается назад Мария.

– Масечка, не очкуй, – успокаивает ее Денис. – Сейчас не девяностые.

– Я не очкую, – отвечает Мария. – Но все банально – у нас двое детей.

– Умоются, – Денис прибавляет скорость. – Слишком большие деньги, – поворачивается ко мне. – Один пушер на кармане выносит в толпу пакетиков на пятьдесят тысяч рублей. Пакетик-то – тоненький. Одна тарочка – пятьсот рублей, две – тысяча. Теперь смотри, пушер возвращается обратно и сдает верхнему пятьдесят штук. В норме они на адском месте с интервалом в двадцать минут появляются. В день не меньше полутора миллионов оборот. А себестоимость одного пакетика – шесть рублей, это вместе с варкой и сыром.

– А кто верхние? Можно их увидеть?

– Марин, не дай бог... Они, если серьезная заваруха, на кайенах разбираться приезжают. Но и они – не самые верхние.

Это была свобода, счастье и... полное бесчувствие. Ты ничего не чувствуешь на спайсах, даже того, как они тебя убивают

– А кто самый верхний?

– Лучше не знать. Слишком большие деньги... Подъезжать нужно по-наглому, как удолбыш, который ни от кого не прячется. Подъехал, вышел, купил, – говорит Денис, тормозя машину на другой стороне платформы, перед въездом в тоннель.

Заводская проходная выглядит заброшенной, но у нее толпятся молодые мужчины в спортивных штанах. Денис враскачку направляется прямо туда. Идя, он улыбается и дотрагивается до груди кончиками пальцев, словно придерживает рукой свое наружное сердце. Здесь стоит затхлый запах старых деревьев. Стволы тополей выкрашены известкой. Мимо в тоннель заходят машины, автобусы. И тут, и там ядовито поблескивают фиолетовые пакетики. Перед нами – насыпь. Под ней сложены доски. На них сидит человек в кожаной куртке, положив голову на колени. Я тихо прохожу мимо. Человек не шевелится. Поднимаюсь по насыпи, под стволом дерева, которое собиралось упасть, но уткнулось верхушкой в бетонную плиту. Эти серые плиты берут насыпь в полуквадрат, закрывающий выход на платформу. В одной плите – широкая дыра, заделанная металлической решеткой. Сквозь прутья видны рельсы и голубые рубашки милиционеров, прохаживающихся на той стороне. Через это окошко продается спайс. Сверху красной краской написано: «Россия, вперед!».

– А че? – громко спрашивает Денис у собравшихся. – А че, все что ли?!

– Уже все раздал, – лениво отвечают ему.

– М-м-м! – стонет Денис, задрав голову и сдавливая рукой грудь. – М-м-м!

– Они едут за нами, – говорит Мария, когда мы снова выезжаем из тоннеля. – Денис, это точно та машина...

– Пока на адское место не возвращаемся, – отзывается он. – Съездим на точку, которую нам Рустам сдал. Там торгуют прямо у самого входа в метро. Он сказал там ментов нет. Таджики сейчас страхуются – Таджикистан, конечно, большой, но не бесконечный.

– Как долго можно жить на спайсах? – спрашиваю я.

– Все зависит от физических возможностей и изначальных установок конкретного человека, – отвечает Мария.
– Если у него деньги есть, то смерть к нему придет быстрее. Когда мы с Денисом курили, возле точек постоянно видели ребят пятнадцати лет: «Тетенька, дай хапочку! Дяденька, ну пожалуйста, дай хапочку!» А уже зима, они голые по пояс, синие, куртки продали.

– Как долго курили вы?

– Несколько месяцев... Это была свобода, счастье и... полное бесчувствие. Ты ничего не чувствуешь на спайсах, даже того, как они тебя убивают.

Топтун

Ленинская Слобода показывает деревянные постройки прошлого века. Они похожи на избышки, какие обычно стоят на окраинах малых городов. Это – бывшая территория ЗИЛа.

– Если вы столько знаете о спайсах, то как могли их употреблять? – спрашиваю я.

– Это великий обман! – отвечают муж и жена. – Мы думали, это то же самое, что продается за границей, синтетический каннабиноид. Там его можно купить совершенно законно.

– Мы попались на тот же обман, на какой попадают все, – говорит Мария. – Когда мы поняли, мы ужаснулись, но в нашем случае было еще не поздно. Мы попытались слезть, и получилось. Потому что пользовались недолго.

– Но к веществу – бешеное привыкание, – говорит Денис, – а дозировка постоянно растет. Количество мозговых клеток сокращается, и я чувствую, как тупею.

– Нам еще повезло, что мы взрослые люди с высокой степенью социализации, – вставляет Мария. – И нам, в отличие от подростка, есть что терять.

Мы проезжаем мимо белого лимузина. Сегодня воскресенье, и это не первая свадьба, которую мы встречаем по пути.

– А зачем людям, которым есть что терять, вообще нужны эти смеси?

– Ну а почему люди употребляют? – спрашивает в ответ Мария. – Хочется расслабиться, почувствовать праздник.

– Мне сорок два года, ей – тридцать пять, – говорит Денис. – Мое поколение почти все перестреляли, а ее поколение почти все умерло от наркотиков. Вы знаете, почему у нас в стране демографический кризис? Потому что именно от нас детей нет.

– Детям вашего поколения сейчас должно быть лет восемнадцать? Примерно столько же тем, кто собирается у Ильича, – говорю я.

– Да, – задумчиво произносит Мария. – И тех детей, которые все же были рождены нашим поколением, у которого отняли родину и отняли профессию, сейчас добивают наркотиками.

Человек подползает к нам ближе. Широко разевает рот, со стоном икает, дергает головой. При каждом новом спазме его ребра остро выпирают из-под кожи, а живот так судорожно уходит к спине, что кажется – изорта сейчас повалятся внутренние органы

– Я тебя наберу-у-у, – Денис растягивает слова в трубку. – Через полчаса на месте б-буду-у. Магазин там «Тысяча мелочей» знаешь? Вот под ни-и-м. Мне п-парочку, ха-ха. Только сделай, чтоб веса нормальные были... Уморыш прыщавый, – грозно добавляет, повесив трубку. – Гниденыш... Так и хочется сдать его ментам.

Мария выходит из машины и скрывается в ближайшем магазине. Я перемещаюсь на заднее сиденье, чтобы дилер мог сесть рядом с Денисом. «Па-рам-па-ра-рам», – он стучит пальцами по рулю машины.

– Почему этот дилер не распространяет товар на Площади Ильича? – спрашиваю, пока ждем.

– Там его и убьют. Он за пятьсот пакетик продает, а пушеры – по двести пятьдесят. Он же субдилер. На Площадь Ильича много оптовиков приходит. Там веса в пакетиках

сумасшедшие – в два-три раза больше, чем у топтунов.

– Почему в таком случае у топтунов покупают?

– Потому что в адское место ездить опасно, там же мясорубка. Но рано или поздно, когда деньги заканчиваются, едут туда, а пока деньги есть, покупают у топтунов. Тихо... вон он идет.

Денис раскидывается в кресле, принимая расслабленный вид. Полную руку ласково кладет на руль.

– Сашечка, – произносит он, когда дверца машины открывается и внутрь протискивается молодой человек. – А вот с-сестра моя Марина, – представляет топтуну меня. – Ее мужа кумарит, как волка, – дополняет, ударив последний слог.

Топтун оборачивается, быстро окидывает меня настороженным взглядом. По его торчащим скулам проходит россыпь глубоких прыщей. Руку по-прежнему держит на ручке двери, в любой момент готовый сорваться.

– Вот он я, – слащавым голосом произносит топтун. – А ты куда делся?

– Просто сейчас немного в другом месте обитаю, – отвечает Денис, – в другом месте беру. В два раза дешевле, между прочим.

– Да мне ж... ты знаешь, как соловью...

– Как сам? – поспешно спрашивает Денис.

– Та потихоньку... Жду-не дождусь, ког-х-да уже домой из этой Москвы поеду, – гээкает он.

– А что там, говорят, две ваши точки закрыли?

– Та я не знаю...

– Но это же ваши точки? – зачем-то радостно подпрыгивая, смеется Денис.

– Та я не знаю. Инфой не владею, – топтун снова оборачивается на меня. Он берет с панели тысячу рублей, кладет на ее место два фиолетовых пакетика и выходит.

– Сколько мы за это можем получить? – спрашиваю Дениса, взвешивая на ладони пакетики.

– На лет шесть потянет.

Разрываю пакетики. В нос бьет запах растворителя. Перевернув, встряхиваю. На сухой асфальт сыплется желтая травяная крошка. Ветер разносит ее по крупичам. К горке пристаает сухой лист. Если его измельчить, получится та же смесь.

– Они, видимо, покупают обычную аптечную траву и на нее сажают вещество, – говорит Денис, а ветер ворошит горку, постепенно распространяя крошку травы по асфальту.

– Вон они! Вон они – зеленая девятка! – Мария бьет ногтем в машинное стекло, показывая на девятку, в третий раз за день равняющуюся с нами.

– Нас пасут слегка, – нехотя признает Денис. – Это нижние, это самые нижние. Надо решить, что мы сейчас будем делать... Ты можешь не светить диктофон вообще? – спрашивает, повернувшись ко мне. – Сейчас мы спрячем машину, – решает он. – Сходим туда пешком, быстро затаримся и уйдем. Дорогая, ты ждешь в машине, – обращается он к жене.

«Не госпитализируем»

Под вывесками «Ростикс» и «Елки-Палки» напротив входа в метро, опираясь руками в асфальт, на коленках, по-обезьяньи ползает по пояс голый человек. На нем только длинные шорты и резиновые тапочки. Кожа покрыта черно-желтым налетом.

– Не советую, – спокойно говорит Денис, когда я достаю из сумки телефон. – Его не возьмут. Отсюда не берут никого...

– Здравствуйте, – говорю в трубку. – Я сейчас нахожусь у платформы «Серп и Молот». Тут плохо человеку. Вы

не могли бы срочно приехать?

– Так уж и быть, – вздыхает Денис, – скажи, что он умирает.

– Он умирает. Да, это в направлении Площади Ильича... Сколько ему лет, я не знаю. С виду – пятьдесят...

Человек подползает к нам ближе. Широко разевает рот, со стоном икает, дергает головой. При каждом новом спазме его ребра остро выпирают из-под кожи, а живот так судорожно уходит к спине, что кажется – изо рта сейчас повалятся внутренние органы.

– У него отказывают легкие, – комментирует Денис. – Не хватает воздуха. Он сейчас переживает панику и ужас. Если бы у него было ружье, он бы начал стрелять в ад, как белгородский стрелок.

Люди спускаются в метро. Немногочисленные охранники за нашей спиной охраняют входы в магазины.

– Тю-ю, клиент не выпимши, клиент покуримши, – вздыхает рядом с нами женщина с желтым баннером на обширной груди. На баннере реклама салона красоты. В нижней его части красными буквами написано: «Все для вас».

Полуголый человек поднимается на ноги, хватается обеими руками за мраморный бордюр, отгораживающий спуск в метро. Держится цепко, прудя ногами. Втыкается в мрамор лбом, с усилием поднимает голову, опускает снова – и так много раз. По лестнице поднимаются люди. По лестнице спускаются люди.

– Та здесь пол-Москвы таких, – продолжает женщина. – Что ни день вот так тут помирают. От передозировки. Вот вчера тоже один. А сколько тут школьников или студентов, – она быстро обрывает фразы и часто поправляет баннер на груди. – Я их уже различаю, – дополняет она. – Если желтый, то не жилец.

Из перехода звучит церковный псалом. Какой-то человек поет там внизу. Голос его надувается силой замкнутого пространства и выходит из-под земли на длинном эхе, стирающем начало и окончания слов. Поэтому слова кажутся знакомыми, но остаются неузнанными. Рядом – очередь в биотуалет.

Это вы Путину рассказываете или министру здравоохранения, которые такие распоряжения отдают – никого не госпитализировать. Куда вы нам предлагаете его везти? Нам не дадут места на госпитализацию, потому что есть приказ – даже после обморока, после эпилептического припадка в больницы не забирать

Руки человека съезжают по мраморной плите. Локтями он поддерживает себя за спину. Его локти медленно едут назад, приподнимаются. Лопатки крупно выпирают на худой спине. Кажется, лопатки вот-вот прорвут кожу, высунуться наружу крыльями, и человек слетит в переход вниз – на голос.

Скорая, сверкая на солнце белыми боками, медленно въезжает на площадку.

– Так это не к нему! – говорит женщина с баннером. – Та это, наверно, кому-то из людей плохо стало. А этим никто не вызывает. Та толку мало. Этим не скорую, а ближе к ночи перевозку зовут.

– Не подходи к ним, – тихо предупреждает Денис. – Если за нами следят, твою благотворительную миссию не поймут и не оценят.

Из белой машины выходит молодой врач в белом халате. За ним – средних лет женщина. Мужчина несет в руках желтую папку. Он приближается к человеку. Отлипнув лбом от плиты, тот смотрит на него боком, выпускает мраморный край, падает на четвереньки и

ползет в сторону адского места. Врачи не спеша идут за ним, словно сопровождая туда. Из перехода вылетает вопль – певец почему-то раздражен, а может, нервничает. От того, что человек к нему не слетел? Или от того, что мало подают? Призывы его становятся настойчивыми, но слышно – он уже не верит в силу своего голоса.

– Подождите, – догоняю врачей. – Куда вы его гоните? Вы должны ему помочь, а не запикивать обратно туда, откуда он выполз.

– Вы его знаете? – обращается ко мне женщина-врач с нарисованными черным глазами.

– Нет, не знаю.

– Тогда идите своей дорогой.

– Я вас вызывала для того, чтобы вы его забрали в больницу.

– Если он вам так нужен, забирайте его к себе домой.

– Не надо, пожалуйста, со мной так разговаривать. Просто выполните свой врачебный долг. Вы прекрасно видите, что он умирает от передозировки.

– Это вы Путину рассказываете или министру здравоохранения, которые такие распоряжения отдают – никого не госпитализировать, – потише говорит она. Черные стрелки, обводящие ее верхнее и нижнее веки, вступают в сильный контраст с голубой радужкой глаз. – Куда вы нам предлагаете его везти? Нам не дадут места на госпитализацию, потому что есть приказ – даже после обморока, после эпилептического припадка в больницы не забирать.

– И нам рекомендуют неукоснительно выполнять этот приказ, – говорит молодой врач. – Мы не служба опеки.

– Но вы же знаете, что служба опеки его не возьмет, – говорю я.

– Смешной вы человек, – из белой машины грузно вываливается пожилой водитель. Он стучит кулаком себе по макушке. – Ну, придумали: «Бомжа-наркомана в больницу заберите». Вам самой-то не смешно?

– Как тебя зовут?! Как?! – молодой врач преграждает ползущему дорогу.

– Свиридов Олег... – заплетаясь языком, отвечает тот.

– Сколько тебе лет?!

– Двадцать восемь...

Я встаю рядом с врачом. Тот подносит ватку, смоченную нашатырем, к носу Свиридова Олега. Олег поднимает голову. Я по привычке улыбаюсь. Его лицо в тот же миг растягивается улыбкой – такой же неискренней, как моя. Я перестаю улыбаться, и так же быстро улыбка слетает с лица Олега. Певец внизу, под нами впадает в истерику: голосом делает последний рывок перед тем, как придется признать поражение – Свиридов Олег к нему не слетит. А Олег в это время на карачках ползет к адскому месту, за которым через решетку наблюдают два полицейских. Мы вчетвером – я, два врача и водитель скорой – молча смотрим ему вслед.

– Он там умрет, – негромко подытоживаю я.

– Давайте по-честному, – так же негромко произносит женщина-врач, – он все равно умрет. Это и грустно, и смешно. Нас каждый день вызывают на такие случаи, и мы ничего не можем сделать. Пробовали... Не принимают.

– А зимой что они будут делать?

– Вот и мы думаем, – задумчиво отвечает она, – а что они будут делать зимой? Перемерут... – она сбрасывает с глаз Свиридова Олега.

Певец, очнувшись от религиозного экстаза, смолкает.

Хвост

У палатки с водой стоит Денис. Пухлыми пальцами трет уголки покрасневших глаз.

– Мне его жалко, – сдавленно говорит он. Выдерживает паузу. – А теперь к делу. Только не оборачивайся. Нас пасут. Сзади тебя стоит один в кепке. А сбоку – второй. Не смотри на них... Идем к машине, не оборачиваясь, – он берет меня под руку и ведет, больно сжимая локоть. – Шустро, шустро...

– Подождите! – за спиной раздается женский оклик. Тяжело дыша и поправляя на груди баннер, подбегает женщина. – Дайте руку, – она тянет свою и жмет мою, сильно встряхивая. – Спасибо за попытку, – поясняет.

– Нам надо срочно менять диспозицию, – говорит Денис, плюхаясь на сиденье в машине.

– Почему его не забрали? – спрашивает Мария, наблюдавшая из машины.

– Недостойн, – бросает в ее сторону Денис. – Придумали новый способ чистить нацию. Отказывать в помощи наркоманам, алкоголикам и бомжам – это очень круто, – он оборачивается, и они с женой смотрят друг на друга. Я понимаю, что они без слов хотят сказать друг другу: «На месте Свиридова Олега могли бы быть мы».

– Нас уже по-серьезному ведут, – деловым тоном продолжает Денис. – Мы легко отмахнемся от хвоста, но на адское место, Марин, я уже действительно не рекомендую.

– Хорошо, – я берусь за ручку двери. – Я сама пройду и через пять минут вернусь.

К тебе тихо подойдут и так же тихо воткнут в спину шило, аккуратненько посадят на газон, прислонив к дереву. На лицо надвинут твой капюшон, и все будут думать – обычная наркоманка. А к ночи подъедет скорая и зафиксирует смерть от внутреннего кровоизлияния

– Очень не рекомендую, – по-кошачьи мягко отзывается Денис, перегибается через меня и захлопывает дверцу. – Выгляни в окно. Видишь, ни одного мента нет. А знаешь, почему? Они их оттуда убрали. На помощь тебе никто не придет.

– Со стороны метро это место и памятник хорошо видны. Еще светло. Я могу пройти, как обычный прохожий.

– Да, но ты уже наследила. И когда ты зайдешь в мертвую зону, туда, где тень, тебя отсюда уже не будет видно. К тебе тихо подойдут и так же тихо воткнут в спину шило, аккуратненько посадят на газон, прислонив к дереву. На лицо надвинут твой капюшон, и все будут думать – обычная наркоманка. А к ночи подъедет скорая и зафиксирует смерть от внутреннего кровоизлияния... О-о-о, девяточка зашевелилась, – мимо по дороге проносится девятка и быстро ныряет в сторону. – Так... Там уже сзади не таджикская молодежь сидит, а тот в кепочке, которого я тебе показывал. Там сзади – взрослые русские

дяди. Этим ничего не стоит пробить номера машины и подстеречь в подъезде... Тогда идем ва-банк. Лучший способ защиты – это нападение.

– Показать им, что мы ни х... не боимся? – нервно спрашивает Мария.

– Машунь, – Денис вынимает из кармана паспорт и права, отдает жене, – рискуем крепко. Я тебе оставляю документы. Садись за руль и никому не открывай. Твоя скорая, Марин, была нам совсем не в кассу. Какой наркоман будет другому наркоману скорую вызывать?

«Этот, наверное, труп»

На плечах Ленина – чернокрылые птицы. Закат отсюда в часе пути. В стороне под деревьями толпятся люди, сейчас их раза в три больше, чем днем. Походка Дениса становится разболтанной. Его качает. Мы заходим под деревья. Сейчас здесь человек сто мужчин разного возраста. На нас оборачиваются.

– Кто мою с-сеструху на два пакетика кинул?! – ревет Денис. – Кто?!

На нас безучастно смотрят. Некоторые пожимают плечами.

– Вот – моя с-сестра! – продолжает кричать Денис. – Ее мужа кумарит, как волк-а-а!

– Че, возьми по пятьсот тогда, – приближается к нам высокий молодой человек и оглядывает нас с Денисом равнодушными глазами.

– Не бери, – говорит другой, которому на вид лет шестнадцать. – Не бери за пятьсот, это фигня. Сейчас по двести пятьдесят вынесут. Только что выносили. Разобрали все. Я тоже не успел.

– Не успел? – радостно переспрашивает Денис. – Гы-гы-гы, а я сейчас тут весь парк заблую.

– А че раньше не пришли? – спрашивает его парень.

– То менты пасутся, то... Кха-кха, – Денис перегибается, схватившись рукой за живот. Открывает рот в спазме. – Кха-а-а...

Оборачивается таджик, до этого стоявший к нам спиной. Из его улыбки выглядывает золотой зуб. Пространство разрывает пронзительный гудок приближающейся электрички.

– К д-дереву, – цедит Денис, подтягивая меня. – Быстро к дереву...

Он ставит меня к ближайшему дереву спиной. Сам встает тоже спиной к другому боку ствола и, согнувшись в три погибели, ревет: «А-а-а! Арг-х-а-а-а!»

– Упх, уп-ху, – сплевывает, не выпуская мою руку.

Проходит электричка, земля передает ее дрожь стволу. Над головой птица свистит глухо, как из глубокого затхлого дупла.

– Стой, не сходи с места, – шепотом произносит Денис. – По крайней мере, так мы не подставляем спину, и нам не нужно постоянно оглядываться... Вон тот, видишь, молодой, который за пятьсот предлагал. Он видит, что меня кумарит, и не сводит с меня глаз, надеясь продать. Сука... Я б тебе при случае нос сломал. Паразитирует на паразитах.

– У тебя хорошо получается притворяться, – говорю я.

– Это была реальная рвота – от напряжения... Тут видела, как молодые наркоманы проявляют солидарность? Он мне сказал – не бери за пятьсот, там фигня. У него поводок уже укорачивается, его время подходит, он это чувствует, и проявляет жалость к другим – таким же... Уа-а-а! – снова перегибается Денис.

– Ну, давай за пятьсот, – зло цедит голубоглазый, подходя близко к нам.

– Сказано – нет! – отвечаю я, и он, еще раз злобно зыркнув, отходит.

– Ему очень нужны наши пятьсот рублей, – шепчет Денис.

В нескольких метрах от дерева, под которым мы стоим, лежит человек без обуви. Его ноги соединены в пятках и далеко разведены в носках. Руки сложены на животе.

– Этот, наверное, труп, – говорит Денис, перехватив мой взгляд. – Близко к нему не подходи... Ты не представляешь, что происходит с телом в тот момент, когда начинается прием. Сердце останавливается, кровь теряет свои свойства, и оно не может ее качать. Отек легких. Отказывают почки... Ну что ж, – окидывает он взглядом лежащего, – Сотона собирает свою жатву.

– Мне странно, что все это происходит в центре Москвы, недалеко от входа в метро, – говорю я, и стоит мне подать голос, как из-под моих ног взлетает дрозд, прятавшийся под стволом, и, перелетев короткую дистанцию, садится на куст волчьей ягоды. Здесь до залысин вытоптана трава, сюда не проникает свет. Здесь каждый одаривает каждого тревожным выжидающим взглядом. Здесь только птицы ничего не боятся, и когда очередная выпрыгивает у меня из-под ног с визгом, мне начинает казаться – черные птицы и есть верхние, ближайšie слуги Сотоны.

Солнце сбрасывает последние лучи, выбивает оранжевую махровость из цветов, но тут, на лысом пригорке, где в этот самый момент происходит естественный отбор современной цивилизации, светлее не становится. Спины собравшихся одновременно и сгорблены, и напряжены – они готовы покорно ждать, сколько придется, но и в ту же секунду сорваться, как только за решеткой мелькнет фиолетовый пакетик.

Трубит новая электричка. Ее гудок веревкой цепляется за макушки деревьев и за лысую голову Ленина и долго пронзительно тянет за собой, словно хочет вырвать это место из тела Москвы и утянуть по железнодорожному полотну.

– Мы слишком долго ждем, – говорит Денис. – Они давно должны были вынести... Сначала на место каждые двадцать минут заходят два аудитора – смотрят, все ли безопасно, дают сигнал, тогда появляется таджик.

– Они – аудиторы – сейчас здесь?

– Не знаю. Они не светятся. Выглядят, как обычные прохожие. Боюсь, что причина такой длительной задержки – это мы...

– То есть нас заметили и решили не выносить товар?

– Скорее всего, так. Слишком долго не выносят. Но, может, они просто держат паузу, ждут, пока соберется достаточно народу, чтобы пушер пришел, сразу все раздал и быстро ушел.

За забором происходит оживление. Пространство меняется – люди в едином порыве срываются с мест и

звериным бегом несутся к забору. Они выпрыгивают из-за кустов, из-за деревьев. Их много, в два раза больше, чем я думала. Срывается с места и Денис, утягивая меня за собой. Смешавшись с толпой, мы бежим. Добежавшие первыми повисают на прутьях забора, забираются по ним вверх, протягивают в щели руки. Они похожи на зверей зоопарка, которым долго не выносили еду.

– А теперь представь, – успеваешь процедить мне в ухо Денис, – что в этой толпе тебе придется искать своего ребенка.

– Порожняк, – оттесняют нас назад подростки с опухшими лицами. – Никого нет.

– Короче, все из-за нас, – шепчет Денис. – Быстро к дереву, оттуда – к машине и валим. Будь готова – нам сейчас придется совершить пробежку.

Дорогу нам преграждают люди из зеленой девятки. Спиной я, за час привыкшая чувствовать древесную кору, теперь чувствую пустоту. Двое смотрят на нас, улыбаются. Руки держат в карманах. Я снимаю капюшон. Потная рука Дениса напрягается.

– Нам пора, – говорит он.

Мы поворачиваемся и медленно сходим с лысого пятака. Оборачиваюсь. Двое пока не трогаются с места. Миновав крест, мы почти бежим. Я снова оборачиваюсь. Двое не спеша идут за нами.

– Это верхние? – спрашиваю Дениса.

– Вряд ли. Но и не самые нижние. Не стоило нам недооценивать их. Короче, пока мы отсюда не свалим, они товар не вынесут.

Захлопываем за собой дверцы машины. Трогаемся. Медленно вырывается все та же девятка.

– Мы сейчас от них оторвемся, но придется менять номера, – говорит Денис, и, пока машина медленно едет мимо газона, мимо креста и белой тумбы, на которой написано «От Москвы две версты», картинка меняется. Кажется, стоило нам сесть в машину, пристегнуть ремни, как адское место исчезло, уехало прицепом к последней электричке. Остался только Ленин, надменно смотрящий вдаль.

– Есть один очень простой способ решить проблему наркомании, – говорит Денис. – Надо начать относиться к наркоманам, как к нашим детям, которые чем-то заболели. И все.

Автор: Марина Ахмедова © Русский репортер ОБЩЕСТВО, РОССИЯ 👁 9548 28.10.2013, 08:31 📌 1135
URL: <https://babr24.com/?ADE=120094> Bytes: 35527 / 35248 Версия для печати

 [Порекомендовать текст](#)

Поделиться в соцсетях:

Также читай те эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)

- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:

newsbabr@gmail.com

Автор текста: **Марина Ахмедова**.

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](https://t.me/babr24_link_bot)

Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь

Телеграм: @bur24_link_bot

эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова

Телеграм: @irk24_link_bot

эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская

Телеграм: @kras24_link_bot

эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская

Телеграм: @nsk24_link_bot

эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин

Телеграм: @tomsk24_link_bot

эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"

Телеграм: @babrobot_bot

эл.почта: eqquatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)